

Гендер и жанр: Мужской и женский варианты русского речевого жанра “разговор по душам”

ВАДИМ В. ДЕМЕНТЬЕВ

(Саратов)

1. Постановка проблемы

Проблема отношения гендера и жанра, насколько нам известно, не рассматривалась в российской лингвистике речи, несмотря на активное развитие жанроведения в России в последнее десятилетие (см., например, такие фундаментальные исследования, как: Борисова 2001; Салимовский 2002; Седов 2002; Федосюк 1997; Шмелева 1997; см. также обзор: Дементьев 1997), изучение многих жанров русской речи, в том числе в культурно-сопоставительном плане (Жельвис 1997; Карасик 2002; Норман 2002; Уздина 2002; Шейгал 2002; Шмелева, Шмелев 2002). Лингвистические исследования по гендеру в России в целом еще не оформились в сложившееся направление (см. обзоры работ в: Горошко 1996; Кирилина 2001; Коноваленко 2003; Потапов 2002; ср.: “[...] наличие так называемого гендерлекта, обсуждавшееся в ряде теоретических трудов, не подтвердилось и на материале русского языка” (Кирилина 2001: 36). Высказывались лишь отдельные замечания гендер-генристического характера (например, в Седов 2002; Стернин 1999). Так, К.Ф. Седов называет жанры повседневного нериторического общения русских, более характерные для мужчин (*анекдот*) и женщин (*болтовня, сплетня, рассказ об увиденном*) (Седов 2002: 296).

О гендерной обусловленности речевого / коммуникативного жанра прямо свидетельствует существование мужского и женского языков (как известно, такие языки существуют у некоторых современных кочевых народов северной Африки; остатки древнего женского языка сохранились в чукотском, казахском, алтайском языках, в ряде диалектов арабского языка (Jespersen 1949; Lakoff 1975). Любая языковая системность имеет коммуникативно-речевую основу: ей предшествуют стереотипы речи, то есть речевые жанры. Эту идею мы развивали в статье: (Дементьев, Панфилов 2003). Конечно, основой своеобразия мужского и женского языков является своеобразие общения на этих языках.

В настоящей статье мы высказываем и пытаемся эмпирически доказать следующее предположение: существуют столь значительно отличающиеся мужской и женский варианты русского речевого жанра *разговор по душам*, что можно говорить о разных жанрах (с точки зрения наиболее релевантных по М.М. Бахтину жанровых параметров: темы, стиля и композиции). Назовем их соответственно РпД-М и РпД-Ж. РпД-М и РпД-Ж, естественно, имеют очень много общего, однако за их использованием стоят разные типичные интенции, интенциональные состояния и психологические установки коммуникантов, разные представления о социальной полноценности и близости в межличностных отношениях; кроме того, в РпД-М и РпД-Ж в разных пропорциях соотносятся фатическое и информативное начала, РпД-М и РпД-Ж по-разному относятся к смежным жанрам (фатическим и нефатическим).

2. Концепт “душа” и жанр “разговор по душам” в русской речевой культуре

Жанр разговор по душам (другие названия – *дружеский разговор*, *дружеская беседа*, “экзистенциальный разговор «о самом главном»” (А.Д. Шмелев); в советской России получила широкое распространение разновидность РпД “*кухонный разговор*”) в целом изучен еще совершенно

нно недостаточно, хотя имеет исключительное значение для системы основных ценностей русской культуры¹.

Исследователями неоднократно отмечалась значимость для русской языковой картины мира концепта “душа” (вместе с “судьба”, “тоска”, “правда”) (Апресян 1995; Арутюнова 1998; Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицкая 2002; Степанов 1997; Шмелев 2002).

Однако концепт “душа” недостаточно исследован в его коммуникативном значении.

А. Вежбицкая (2002) выявила противопоставление в русском языке двух разных концептов “правды”: первого универсального предикативного и второго национально специфичного нравственного.

Думается, противопоставлены и два разных концепта “души”: универсальный первый концепт (в настоящей статье он не рассматривается) и национально уникальный второй, имеющий значительную нравственную составляющую и значительную коммуникативную составляющую.

Так, во-первых, лексема *душа* входит в названия коммуникативных жанров (*разговор по душам*), стратегий (*излить душу*), а также в состав фразеологизмов, дающих оценочное наименование для важных коммуникативных факторов. Значения почти всех идиом с лексемой *душа* в той или иной степени коммуникативны: *душа в душу, по душам, читать в душе, с открытой душой, душа нараспашку, войти в душу, влезть в душу, без мыла в душу лезть, открывать душу, выкладывать душу, изливать душу, распахивать душу и не слышать души, закрывать душу на замок*; ср. прилагательное *душевный* и мн. др. В других европейских языках, как известно, нет такого многообразия идиом с лексемой *душа*.

Во-вторых, при помощи лексемы *душа* обозначаются два важнейших диалогических момента в гармоническом общении: высказать главное для себя (*открыть душу*) и услышать главное для собеседника (*войти в душу*).

1 Ср. рассуждения Н.А. Бердяева о русской ментальности: «Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла, [...] умудряется даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер» (Бердяев 1998: 176).

Разговаривать по душам так же понятно, естественно и исполнено глубокого смысла для русского человека, как говорить правду, жить по правде и по совести, гулять на воле – и тосковать, маяться оттого, что такова судьба, оттого, что не в ладу с совестью или от отсутствия воли, простора, раздолья или приволья. Выделенные слова культурологически рядоположены и относятся к “ключевым словам русской культуры”, по определению А. Вежбицкой. Коммуникативные ценности соотносятся с двумя лексемами – душа и правда, при этом правда закрепляется за информативной речью (и глаголом говорить / сказать), душа — за фатической (говорить / разговаривать). Невозможны или маловероятны выражения *сказать по душам, *разговаривать по правде, ?сказать о душе, ?разговаривать правдиво.

Коммуникативная ценность концептов “правда” и “душа”, согласно А. Вежбицкой (2002: 31-32), обуславливается сценариями русской речевой культуры:

- (1) люди говорят два рода вещей другим людям
  - вещи одного рода – правда
  - хорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого рода другим людям
  - вещи второго рода – неправда
  - нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого второго рода другим людям плохо, если кто-то хочет, чтобы другие люди думали, что эти вещи – правда
- (2) хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он думает
- хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что он чувствует

Жанр РпД в значительной степени национально специфичен (неуниверсален, “непереводим”). РпД обнаруживает общие черты с некоторыми речевыми жанрами, присущими другим культурам, но ни с одним не совпадает полностью.

В отличие от многих жанров кооперативного общения, а также общего представления о “хорошей” гармонизирующей речи, присущих другим национально-речевым культурам, в русском РпД очень мало ценится искусность речи. Излишняя правильность, риторическая выстроенность и изощренность речи в РпД даже вредны. В работах, посвященных “истине”, иногда отмечается, что “истина” для людей непостижима и что “в каком-то смысле истину знает только Бог” (ср. Булыгина, Шмелев 1997: 481). Это качество объединяет русское

представление о хорошей речи с японским, где “о главном” можно только молчать (Вежбицкая, Годдард 2002: 121). Однако если в японской речевой культуре о главном лучше молчать, то в русской речевой культуре о главном говорят, но говорят трудно и негладко (ср. речь Пьера Безухова в “Войне и мире” Л.Н. Толстого, князя Мышкина в “Идиоте” Ф.М. Достоевского).

РпД, по-видимому, фатический жанр: в нем личности говорящих и их отношения важнее, чем предмет речи. В то же время русский РпД настолько отличается от других фатических жанров, что определение “праздноречевой” по отношению к нему (в некоторых работах, например, (Арутюнова 1998), это синоним термина “фатический”) оказывается совершенно неверным. Часто глубокое, сущностно важное для участников РпД содержание также принципиально противостоит общим представлениям о фатическом общении, идущим от Б. Малиновского (Malinowski 1972). Русский РпД именно не праздный разговор, а “разговор о главном” – жизненных позициях и ценностях. Метафорически выражаясь, можно сказать, что разговор по душам – это разговор о душе:

– Ведь русские мальчишки как до сих пор орудуют?.. Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Сказанное нельзя, конечно, понимать таким образом, будто настоящий РпД означает непременно глубокий порождаемый смысл – важнее, чтобы с точки зрения самих собеседников разговор понимался как “разговор о самом главном”. В этом отношении нет принципиальной разницы между обменом сложнейшими, тончайшими смыслами (как в общении персонажей Достоевского) и суррогатами жанра типа *Ты меня уважаешь?*

Как писал М.М. Бахтин о диалоге персонажей Достоевского и о русском диалоге в целом, “быть – значит общаться диалогически” (Бахтин 1963: 338). В русской культуре “человека можно раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путем общения с ним, диалогически” (там же). Таким образом, концепт “открытия души” представляет кульминацию общения. Как уже отмечалось, в других

национально-речевых культурах такое представление о гармонизирующем общении может отсутствовать.

Следует добавить, что человек не может сам планировать и сознательно осуществлять процесс “открытия души”: открытие души есть чудо и, как и любое чудо, возможно только при наличии “санкции свыше”. Если все повороты в общении находятся под контролем, имеет место не РпД, а что-то иное (возможно, светская беседа). При этом сама по себе негладкая речь, естественно, не означает ни кооперативности, ни искренности.

В русской культуре самое большое разочарование, самая большая неудовлетворенность от общения возникают у человека, когда не происходит ожидаемого “открытия души”. Это явление исключительно ярко отображено в классической русской литературе – ср. произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. У А.П. Чехова отсутствие интеллигентного понимающего собеседника приводит к тоске, безысходности, деградации личности. В *Ионыче* и *Палате № 6* всеобщая пошлость и бездуховность, отсутствие культурных людей приводят к физической или духовной гибели двух врачей: Дмитрий Ионыч Старцев (*Ионыч*) сломлен духовно:

Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его. Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти.

Андрей Ефимыч Рагин (*Палата № 6*) страстно потянулся к единственному, по его мнению, умному человеку в городе – Ивану Дмитричу Грому – и оказался вместе с ним в палате № 6.

В *Черном монахе* герой переживает мгновения самого большого счастья, становится талантливым, оригинальным, вдохновенным, общаясь с воображаемым идеальным собеседником. Интересна роль черного монаха: будучи порождением воображения героя, он тем самым очевидно не может сказать чего-то нового, неизвестного ему. Однако озарение и творческие открытия всё равно происходят. Это скорее подтверждает то, что настоящий РпД есть в большей степени общение с Богом, чем с реальным собеседником. Собственно говоря, все восторги

и творческие озарения Коврина есть не более чудо, чем в “настоящем” РпД, точнее, в таком РпД, каким он должен быть в идеале. (Пафос повести в том и состоит, что каждый человек должен быть так же счастлив, как Коврин, в реальной жизни и без мании величия).

Показательно существование в русском языке оценочных лексем, которые обозначают качества человека, делающие его неспособным участвовать в РпД, и самого такого человека – прежде всего лексемы *обыватель*, как известно, непереводимой адекватно на другие языки.

Не может участвовать в РпД также человек *закрытый* или *застегнутый на все пуговицы* (сами эти метафоры противопоставлены идее “открытия” души). Однако в русской культуре сознательная *закрытость* (которую можно также понимать как ориентированность на *светскую беседу* в сфере фатического общения – см. ниже), по-видимому, не воспринимается однозначно негативно, а кроме того, не воспринимается как настоящая и окончательная: то, что застегнуто, может быть расстегнуто (как уже было сказано, человек не может сам контролировать процесс “открытия души”, тогда как “застегивается” человек сам) и, скорее всего, будет расстегнуто, если человек в целом нравствен (вспомним пушкинского Онегина, Андрея Болконского и, казалось бы, еще более поразительную метаморфозу, произошедшую со старым Карениным, у Л.Н. Толстого).

По-настоящему не способен *открыть душу* всё же только *обыватель* — это название коммуникативного неумения основано на нравственной оценке.

Показательно переосмысление традиционных русских культурных ценностей, отображенных в литературе XIX века, в современной российской литературе и кино. Так, в фильме Алексея Балабанова “Брат-2”, успевшем стать классическим (особенно после смерти исполнителя главной роли Сергея Бодрова) эмоциональной кульминацией становится РпД между троими русскими (двое мужчин и женщина) у костра, разведенного в центре Чикаго – “сердце каменных джунглей”.

Героиня делится, пожалуй, “главными” – самыми темными и самыми светлыми – впечатлениями из своей жизни, что свидетельствует о важности разговора. Несмотря на попытку снизить тему разговора, самоиронию (*Ладно, банально всё это, скучно*) и на то, что тема всплывает отчасти ассоциативно (ночь у костра – воспоминание о

другом костре: *Знаешь, я последний раз так в восемьдесят четвертом году сидела*), что вообще свойственно разговорной речи (Сиротинина 1974: 131-134), конечно, это не только ассоциация: темы, настроение, откровенность и “открытость” собеседников определяются общей тональностью разговора – “о самом главном”. Интересно, что на протяжении фильма русские культурные ценности постоянно противопоставляются американским (“*Здесь вообще всё просто так, кроме денег*”), при этом одной из ценностей русской речевой культуры, отличающих ее от американской, является именно русский РпД, или искренний разговор “о самом главном”.

Даша: Восемь лет – это много. Мне тогда еще двадцати не было. Университет, перестройка, Америка, со-со-со. Замуж вышла, потом сразу развелась. Сначала в Нью-Йорке, в Эскорт-сервисе работала, это по вызову. Потом – кокаин, крэк. Уехала с одним толстым в Чикаго, бросил меня. С козлом этим черным связалась. Хотя о покойниках плохо нельзя. Ладно, банально всё это, скучно... Знаешь, я последний раз так в восемьдесят четвертом году сидела. Мы в поход ходили на Глухое озеро.

Данила: Поехали с нами домой. Там хорошо.

Даша: А что я там делать буду?

Данила: А здесь ты что делаешь?

Виктор: А мне здесь нравится. В Америке вся сила мира.

Данила: А в чем сила, брат?

Виктор: А вот в чем! В деньгах вся сила, брат! Деньги правят миром.

И тот сильнее, у кого их больше.

Данила: Ну, хорошо. Вот много у тебя денег. И что ты сделаешь?

Виктор: Куплю всех!

Данила: И меня?

(СМЕЮТСЯ)

Тема *В чем сила, брат?* получает продолжение и в каком-то смысле становится лейтмотивом фильма: в конце фильма герой Сергея Бодрова Данила говорит, что сила в *правде*, тем самым связывая РпД с другим ключевым концептом русской культуры. Точка зрения Виктора (кстати, профессионального киллера), утверждающего “американские” ценности (*В Америке вся сила мира; Деньги правят миром*), опровергается всей логикой фильма, хотя, естественно, призыв к правде от не менее кровавого убийцы превращает идею патриотизма в горькую насмешку. В то же время в целом совершенно естественно карнавальное осмеяние

“снизу” любой сложившейся системы ценностей. Можно привести много примеров обыгрывания ценностей РпД в русских анекдотах и др. юмористических текстах (см. ниже).

В современной русской речевой культуре РпД занимает особое место среди жанров гармонического фатического общения. С одной стороны, стоящая за данным жанром система ценностей, норм и приоритетов является определяющей для общей системы представлений о хорошей фатической речи; с другой стороны, названная система представлений двойственна и с определенного времени (приблизительно с XVIII-XIX вв.) ориентируется не только на нормы РпД, но и нормы совершенно другого – заимствованного из западной культуры² – жанра фатического общения *светская беседа* (далее – СБ).

Жанр СБ при заимствовании наложился на существующую систему речевых жанров, а также чрезвычайно богатую систему стилистических средств русского языка и речи. Можно предположить, что в традиционной (допетровской) русской народной речевой культуре обе эти системы основывались на представлении о главенствующей позиции тематики и стилистики жанра разговора по душам. Жанр РпД принципиально противостоит понятию социального неравенства, тогда как жанр СБ был заимствован как одно из средств противопоставить власть черни (вместе с введенным Петром I требованием, чтобы дворяне носили немецкое платье и говорили по-французски).

Жанр СБ чужд основным ценностям русской народной культуры. Отрицательная оценка светского общения высказывалась еще русскими философами, писателями, публицистами XIX века – как разновидности общения не только бессодержательного и фальшивого, но и чужеродного для России. Отмечалось, что нормы СБ (шире – целая стоящая за жанром система коммуникативных норм, ценностей и приоритетов, “жанровая картина мира”) противоречат общим нормам и ценностям русской речевой культуры (Стернин 2003). В “свете” не принято высказывать свои идеи и взгляды; нарушение этого негласного требования приводит к конфликтам, которые широко отображены в русской литературе начиная с “Горя от ума” А.С. Грибоедова. Кроме того, обращает на себя внимание несовместимость с СБ ключевых слов

2 До проведения специального исследования жанров общения в разных культурах используем недифференцированное понятие “западной культуры”.

русской культуры *душа* и *правда* (а также *судьба* и *совесть*): маловероятно их использование участниками СБ и практически исключены коммуникативные факторы (жанры, внутривидовые стратегии и тактики, категории фатического и информативного общения), называемые посредством этих слов.

Распространенной является точка зрения, согласно которой РпД – теплое, доброжелательное, искреннее общение близких людей, которые любят друг друга, а СБ – общение чужих (малознакомых) людей, равнодушно и холодно относящихся друг к другу. Однако участники СБ вовсе не плохо относятся друг к другу: в ходе СБ осуществляется социализация (как в любой разновидности фатического общения) и устанавливается близость, хотя с точки зрения человека, ориентированного на РпД в сфере фатического общения, эта близость будет ненастоящей.

Думается, СБ и РпД противопоставлены в несколько ином отношении.

В РпД хорошее отношение к собеседнику проявляется в искреннем участии к нему, готовности выслушать его и поделиться с ним своими наиболее существенными переживаниями. В основе этой близости лежит уважение к собеседнику как мыслящей, чувствующей индивидуальности.

В СБ хорошее отношение к собеседнику проявляется в стремлении доставить ему удовольствие, развлечь приятным разговором. Уважение к собеседнику здесь понимается как уважение к его социальному статусу, респектабельности, влиятельности, воспитанности. СБ является риторическим жанром, и владению им нужно учиться.

В гармоническом фатическом общении одних и тех же людей вполне естественно чередуются элементы РпД и СБ, при этом собеседники легко переходят не только от жанра к жанру (это естественнейший коммуникативный процесс, по М.М. Бахтину), но и по сути от одной системы ценностей к другой.

Понимая разговор *по душам* как разговор *о главном*, можно добавить к сформулированным А. Вежицкой сценариям русской культуры (1) и (2) (см. выше) сценарии, определяющие отношение к этой теме:

- (3) хорошо, когда человек хочет говорить с другими людьми о главном
- (4) плохо, когда человек хочет говорить с другими людьми о главном

Сценарии (3) и (4) задают противоположные ориентиры в общении и тем не менее сосуществуют в русской речевой культуре.

Названное противопоставление двух коммуникативных стилей давно привлекало к себе внимание исследователей, писателей и “практиков общения”. Оно осмыслялось по-разному, например, как противопоставление русской провинции с ее традиционной народной культурой и столицы, живущей по совершенно другим законам и правилам, в том числе правилам общения. Всем этим правилам провинциал должен был учиться как новым для себя. В XIX веке названное противопоставление осмыслялось также как противопоставление “московского” и “петербургского” стилей:

Москва женского рода, Петербург – мужского. В Москве все невесты, в Петербурге – все женихи. Петербург наблюдает большое приличие в своей одежде, не любит пестрых цветов и никаких резких и дерзких отступлений от моды; зато Москва требует, если уж пошло на моду, – чтоб во всей форме была мода: если талия длинна, то она пускает ее еще длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней, как сарайные двери. Петербург – аккуратный человек, совершенный немец, на все глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва – русский дворянин, и если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане; она не любит середины. Москва всегда едет, завернувшись в медвежью шубу и большею частью на обед; Петербург в байковом сюртуке, заложив обе руки в карман, летит во всю прыть на биржу или в «должность». Москва гуляет до четырех часов ночи и на другой день не подымается с постели раньше второго часа; Петербург тоже гуляет до четырех часов, но на другой день, как ни в чем не бывало, в девять часов спешит в своем байковом сюртуке в присутствие. [...] Москва нужна России; для Петербурга нужна Россия. В Москве редко встретишь гербовую пуговицу на фраке; в Петербурге нет фраков без гербовых пуговиц. Петербург любит подтрунить над Москвою, над ее неловкостью и безвкусицей; Москва кольнет Петербург тем, что он не умеет говорить по-русски. В Петербурге, на Невском проспекте, гуляют в два часа люди, как будто сошедшие с журнальных модных картинок, выставляемых в окна; даже старухи с такими узенькими талиями, что делается смешно; на гуляньях и Москве всегда попадетя в самой середине модной толпы какая-нибудь матушка с платком на голове и уже совершенно без всякой талии ... (Н.В. Гоголь. *Петербургские записки 1836 года*).

Среди жанров общения западной культуры СБ занимает более естественное место. Там РпД и СБ не противопоставлены друг другу так непримиримо, и нельзя говорить о разных системах ценностей, стоящих за ними.

3. Гендерная обусловленность разговора по душам

Как уже отмечалось, лингвистами высказывались лишь отдельные замечания о различиях мужского и женского РпД. Так, А. Д. Шмелев выделяет в семантике русских существительных *друг* и *подруга* несимметричные отношения, основу которых составляет разное коммуникативное содержание, прежде всего – их разное отношение к РпД:

В основе отношений, закодированных в слове *подруга*, лежит представление об относительно давнем знакомстве и о постоянном общении, состоящем не в экзистенциальном разговоре «о самом главном» (что более характерно для *друга*), а в том, чтобы делиться друг с другом своими переживаниями и сплетничать о ближних. Отдельный факт состоит в том, что в русской культуре такой тип общения поощряется скорее для женщин, чем для мужчин. Наличие у мужчины *подруг* (в рассматриваемом смысле), т. е. женщин, с которыми он постоянно делится переживаниями и занимается сплетнями, может вызывать удивление с точки зрения стереотипных представлений о гендерных ролях, но не является полной аномалией (Шмелев 2002: 188).

Исследована (Седов 2000; 2002; Стернин 1999) большая, чем у женщин, агрессивность общения мужчин, в том числе общения кооперативного и гармонического (естественно, часто такая речь агрессивна только по форме). Согласно К.Ф. Седову, например, русское мужское дружеское общение “не портит” даже мат! Вот пример, с точки зрения исследователя, кооперативно-актуализаторского речевого поведения, отражающего высший уровень коммуникативной компетенции человека:

- Эх / жизнь наша поганая / мать... [неценз.]!
- Да уж / [неценз.] жизнь! За... [неценз.] совсем!
- Ты меня понял! (Седов 2000: 307).

Само существование жанра РпД, а значит, сложившейся системы ценностей и норм становится объектом карнавального осмеяния. Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев показывают, что во многих русских

анекдотах обыгрываются стереотипы неодобрительного отношения жён к любимому времяпрепровождению мужей в компании друзей, как и стереотипы высокомерного отношения мужчин к “бабьим” болтовне и сплетничанию: “Русские в русских анекдотах бывают представлены как пьяницы, готовые на все за бутылку; они ленивы, абсолютно равнодушны к работе, к профессиональному успеху, к семье и детям, к сексу; превыше всего они ценят застольное общение с друзьями. Русские женщины романтичны, несчастны в семейной жизни, и это притом, что именно женщины командуют в семье, распоряжаются деньгами, воспитывают детей” (Шмелева, Шмелев 2002: 75-76). Ср. обыгрывание такого суррогата РпД в песне В. Высоцкого: *Ну о чем с тобою говорить! / Всё равно ты порежь ахинею, – / Лучшие я пойду к ребятам пить – / У ребят есть мысли поважнее.* Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев не разграничивают анекдоты для мужчин и анекдоты для женщин, а также анекдоты, рассказываемые мужчинами и женщинами. Рассмотрение с этой точки зрения анекдотов о русских мужчинах и женщинах не выявляет существенных противоречий с данными Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелева, однако одни и те же качества, выделяемые в анекдотах, рассказываемых мужчинами и для мужчин и женщинами для женщин, вызывают симпатию (хотя не перестают быть смешными) и осуждение. Так, следующий анекдот, наверное, можно представить только в ситуации, когда и рассказчик, и адресат – женщины:

Жена вкалывает на кухне, муж лежит на диване. Жена мужу:

– Вынеси мусор!

– Вот сейчас всё брошу и пойду выносить!

Примеры, приводимые ниже, относятся к РпД-Ж, который, по нашему мнению, исследован еще меньше, чем РпД-М (качества РпД, рассмотренные выше, относились, как правило, к РпД-М как к более ярко выраженному варианту жанра).

Известный рассказ Анатолия Трушкина представляет собой пародию на женский разговор по душам. Объектом обыгрывания становятся некоторые значимые черты жанра. Основная тема разговора – трагедия в личной жизни: одну из подруг оставляет муж. Отметим кстати, что темы любви, измены, разрыва отношений в русском народном сознании традиционно считаются скорее женскими, чем мужскими, темами разговоров, и именно для женщин они являются “самыми важными”.

Однако в рассматриваемом РпД-Ж эти темы чередуются с ничтожнейшими бытовыми темами, о которых тем не менее говорят серьезно и очень подробно. Переход от первых ко вторым и обратно как будто бы не удивляет никого из собеседниц (хотя иногда обозначается “что-что?”). Комический эффект основан на том, что разговор всё-таки по сути очень серьезен, проникнут самым искренним сочувствием и доброжелательностью (подруги явно любят друг друга, желают друг другу добра и, что важно, верят, что поддержать и помочь может сочувственный разговор), хотя по форме может показаться, что он не является таковым и собеседницы не принимают всерьез проблемы друг друга. В то же время и бытовые детали как будто бы не менее интересны для собеседниц, чем “самое важное”, по своей форме разговор оставляет впечатление скорее приземленного (даже низменного). Всё это может совмещаться в женском РпД, тогда как в мужском РпД такое совмещение было бы невозможно³.

... Купила. Желтый? Я помню. Я у Веры точно такой же видела. Только у нее за 40 рублей. Нет, за 40, Нина. Я клянусь тебе. Там молния пошире и дно из чистой кожи. Из чистой, Нина, я сама смотрела. Нет, я проверила. Она говорит, их и в продаже-то не было. Ей дядя подарил. У него в универсаме товарищ по университету. [...] Не знаю, Нина, я спрошу. А тебе какое нужно? Демисезонное? А какой фасон хочешь? Спереди? Сзади? До нет? А пуговицы где? Что-что? Подошел? Попрошаться хочет? Чтобы всё по его было? Ну, вот кто он после этого, Нин? Человек или животное? Плачет, да? Правда? Конечно, жалко. Сколько вы с ним прожили? 12? 13? Тем более. У вас свадьба где была, Нин? В ресторане? С его стороны? С твоей? Правда? А кто подарил? Правда? За сколько, Нин? И чек был? Правда? На всю жизнь память. Что-что? Поцеловал? В щеку? Не отходит? Даже не знаю, что тебе посоветовать, Нин. К двери пошел? Думаешь, ничего уже нельзя сделать?

3 Ср. часто отмечаемую в исследованиях по гендеру черту коммуникативного кооперативного (гармонического) поведения женщин, связанную с традиционной ролью женщины в обществе (женщина-мать, воспитательница, хозяйка): восприимчивость, открытость к тому, что делается вокруг, легкая способность переключаться с одной темы на другую, естественное выполнение роли матери и хозяйки даже при занятии чем-то другим. Мужчинам, напротив, свойственно скорее нежелание переключаться на бытовые (“низкие”, хозяйственные) темы, особенно в тех случаях, когда они ведут разговор на темы более важные и интересные, с их точки зрения, да еще в тех случаях, когда их собеседник – мужчина, т. е. идет чисто мужской разговор (Земская, Китайгородская, Розанова 1993: 134).

Горе-то какое, господи! С ума можно сойти! Представляю себе. Да, в душе у тебя. Да, представляю себе. Представляю себе. Стоит, на тебя смотрит? А где вот он найдет такую, как ты, подумал он? Что уж порхать-то, не 30 лет, лысый наполовину. А ты скажи ему, Нин... Ушел уже? А плачет кто? Ты? Поплачь, Нин, тебе легче станет. Места себе не находишь? Я представляю. Представляю себе, что у тебя сейчас. Да. А с другой стороны, Нин, что теперь сделаешь? Да. Не ты первая, не ты последняя, Нин. Да, вот именно, доля наша такая. Нин, если вернется, простишь? Никогда? Это ты сейчас так говоришь. [...] Я понимаю, Нин, у каждого своё. И как же ты теперь? Сама не знаешь? Может, он еще недалеко ушел? Догони, спроси: что ж ты так со мной по варварски? Да, вот именно. Вот именно. Вот именно. На улице? Градусов 15-16. А ты в чем? А на ногах? Тебе не идет так, Нин. Нет, вызывающе как-то. Нужно серое что-нибудь. Нет, Нин, послушай меня. Только серое. Так можно, да. С шарфиком. Ну, беги, ну, счастливо тебе. Я позвоню вечером. Хорошо, беги, ни о чем не думай. Не забуду, демисезонное. Спереди. До нет. Ну, беги, целую тебя. Спасибо. Обязательно. Я же сказала: главное, чтобы у тебя всё было хорошо. Да. Семья в первую очередь. Вот именно. Вот именно. Вот именно. Ну, беги. Что, полетишь? Ну, лети. Ну, счастливо, ну, лети. И я тебя. И я тебе. И я у тебя. Нин, если догонишь, приветему от меня передавай.

В разговоре много прямых и косвенных комплиментов (*А где вот он найдет такую, как ты, подумал он?*), слов осуждения для мужа (*Чтобы всё по его было? Ну, вот кто он после этого, Нин? Человек или животное?*) и выражения ужаса (*Горе-то какое, господи! С ума можно сойти!*), советов (*Поплачь; А ты скажи ему, Нин*), предложений (*Доля наша такая; У каждого свое*), пожеланий (*Главное, чтобы у тебя всё было хорошо*). Очень много стереотипов со значением поддержки, понимания, одобрения. Их частое и точное повторение тоже создает комический эффект: *Вот именно; Представляю себе*. Интересны реплики: *Даже не знаю, что тебе посоветовать, Нин* и *Тебе не идет так, Нин*, не представляющие собой стереотипные формулы, но скорее всего свидетельствующие об искренности говорящих. Несколько иную роль играют повторяющиеся чаще всех реплики *Правда?* – их значение состоит, конечно, не в выражении сомнения, а в организации большей эмоциональной связи, демонстрации заинтересованности, участия и поощрения к продолжению разговора. Кроме того, вопрос *Правда?* эксплицитно указывает на потребность спрашивающего в информации, а значит, занимает зависимую позицию, что создает дополнительную близость и в то же вр-

емя делает данную форму несколько менее уместной в разговоре мужчин.

Комический эффект создается также тем, что мы слышим только одну из сторон, но без труда можем восстановить абсолютное большинство реплик собеседницы в силу того, что и инициальные, и ответные реплики стереотипны – их стереотипность проистекает из жанра РпД-Ж (*И я тебя, и я тебе, и я у тебя*). Конечно, чаще всего мы “слышим” реплики отсутствующей собеседницы потому, что их точно повторяют – это точное воспроизведение (что тоже создает комический эффект) выполняет функцию выражения согласия и солидарности.

Велика смысловая нагрузка финальной фразы: *Ну, если догонишь, привет ему от меня передавай*. С “мужской” точки зрения такая реплика была бы неприемлема: она свидетельствовала бы о равнодушии или даже предательстве. Но в РпД-Ж эта реплика не является инородным элементом. Нам думается, что это отражение такого важного отличия РпД-Ж, как его близость к жанру СБ или, по крайней мере, непротиворечия ему.

Мы, конечно, не хотим сказать, что все русские женщины ориентированы на СБ, но, по-видимому, нормы, ценности и идеалы СБ больше соответствуют женским коммуникативным ценностям. Русскому человеку легче представить себе светскую женщину, чем светского мужчину. Недаром К.Ф. Седов даже считает обязательным условием СБ “[...] присутствие в качестве адресата интеллигентной, гуманитарно образованной (светской) женщины” (Седов 2002: 288).

Согласно системе ценностей, лежащей в основе представлений о РпД-М, психологический “выигрыш” говорящего состоит в чувстве душевного родства с собеседником, в ощущении себя социально полноценной личностью, а также в том, что собеседники совместно участвуют в рождении некоего сокровенного знания.

Согласно системе ценностей, лежащей в основе представлений о РпД-Ж, психологический “выигрыш” говорящей также состоит в чувстве душевного родства с собеседницей, в ощущении себя социально полноценной. Здесь, как и в РпД-М, нет требований к гладкой форме речи, однако социальная полноценность проявляется только в ощущении себя достойной поддержки и сочувствия, но не в способности участвовать в рождении сокровенного знания.

Разумеется, из того, что женщины реже обсуждают цель жизни, не следует, что они не осознают этой цели или что она менее высока, чем у мужчин. Прекрасные примеры жертвенности, любви и бескорыстного служения, а также лучшие женские образы русской литературы не оставляют никаких сомнений в том, что представление о цели жизни у русских женщин очень высокое. По-видимому, главное отличие состоит в том, что идея самореализации у женщин не имеет отношения к коммуникации, передаче информации, тогда как у мужчин – имеет. В самых лучших, самых душевных разговорах женщин предлагается бескорыстная помощь, т. е. лучшее в этих разговорах находится ЗА пределами разговоров, тогда как у мужчин – ВНУТРИ. Мнение А. Вежбицкой о том, что русская *правда* более коммуникативна, чем англ. *truth*, справедливо только для мужской *правды*, как и мужской цели жизни: ее нужно искать и нужно обсуждать, поскольку она формируется в обсуждении, “открытии душ”.

Возвращаясь к теме разочарования от несостоявшегося РпД (в рассказах Чехова), отметим, что наши рассуждения касались РпД-М. Разочарование от несостоявшегося РпД-М действительно связано с отсутствием некоей глобальной идеи, тогда как разочарование от несостоявшегося РпД-Ж проистекает из совсем других вещей, как показывает пример ниже – разговор матери мужа и матери жены, оставшихся в комнате после семейного обеда:

Д. За что она так?

В. Ну это же характер.

Д. Разве я заслужила?

В. Это же характер.

Д. А?

В. Я не заслужила и Вы не заслужили.

Д. (ПЛАЧЕТ) Я терпела все время. Все молчу и все молчу...

В. Но это естественно. Когда она приезжает всего на две недели, чем каждый день мотаться туда...

Д. Нет, мне не надо было этого делать. Но я опять пошла на поводу у них все Дима, больна, мы не можем туда прийти. Но раз им не хочется туда идти, и мне не надо было сюда идти.

В. Но почему тогда...

Д. А смотрите как...

В. Вы лучше одно поймите: здесь свободней, здесь места много, и в садик вышли – отдохнуть и все, а...

- Д. Но но все-таки
- В. И Ленке здесь хорошо.
- Д. Раньше им там было неплохо. Они сюда пошли, тут, а сейчас решили, не подумала. Может быть они решили, что они не придут и я сюда не приду.
- В. Ну, А.О., ну не накручивайте так. Просто и без того жизнь трудная. Зачем ее накручивать еще?!
- Д. Трудней моей жизни ни у кого нет.
- В. Просто понимаете, примите к сведению, что хорошая жизнь, потому что слишком много плохого.
- Д. У меня хорошего больше нет и не будет никого.
- В. Слушайте, у меня тоже в жизни ничего нет.
- Д. М-м. Вы совсем другое. Вы совсем другое, Н.Н. Воту меня не получилось у меня. Особенно... После летнего последнего фокуса, что они со мной сделали... Мне надо было вообще снять. Не вообще снять
- В. Не надо себя. У вас одна дочь. Она вас любит и не надо ничего.
- Д. Неверно. Не будет ни Лены, ни... Зачем ты не едешь в Ростов! Ведь они не звали в Ростов, ну зачем я поеду!
- В. Нет, ну зачем Вы это говорите?!
- Д. Вы ее брали на море, возьмите ее в Ростов.
- В. Ну зачем это говорить! Но если вы будете все время это крутить это же не...
- Д. Можно же было так сделать? Так можно было сделать! В прошлом году в таком состоянии и мне сказать: нет, мы тебя не возьмем. И я опять к ним иду.
- В. Потому что дети есть дети.
- Д. Нет.
- В. Не требуются наши обиды. Потому что тогда жить нельзя. Отсюда жизнь такая. Жить-то осталось. Дети есть дети.
- Д. Ну у других тоже дети есть.
- В. Ну что ж, у других свои трудности есть. [...]
- Д. Когда Ленка станет старше, она отвернется от них. Она сейчас маленькая, она не понимает. Приласкают – она опять к ним. А так... нельзя к ребенку относиться. Она ж чувствует это. Как зовут, тогда ее тут нет и обижаются на нее, что... Но она как все дети: переплачет и опять к ним идет. Это же боль.
- В. Радость. Ко мне эти дни не подходит. Она все время к маме просится.
- Д. Но это вполне естественно. Просто пока она очень мала.
- В. Конечно. Я считаю, так и должно быть.
- Д. А вообще так к ребенку не относятся.
- В. Душно здесь.
- Д. Жарко. Сегодня жарко очень.
- В. Да, наверное, душно очень.
- (РАСХОДЯТСЯ) (Сиротинина 1994: 116-120).

Коммуникативный лидер Д. нуждается не в интеллигентном собеседнике, а в собеседнике сочувствующем и при этом признающем ее исключительность (*Трудней моей жизни ни у кого нет*). Такая эгоистическая позиция не устраивает собеседницу В., которая, однако, не высказывает прямого противоречия не из-за внутреннего согласия, а для сохранения родственных отношений. В. пытается урезонить и успокоить мать, осуждающую дочь и жалующуюся на судьбу, и в конце обрывает разговор фразой *Душно здесь*. Если бы Д. хотела, она могла бы продолжить разговор, но, видимо, он исчерпал себя: должной поддержки Д. не нашла, но все же несколько успокоилась.

***

Многими исследователями отмечалось, что русское коммуникативное пространство структурировано оппозитивно, в отличие, например, от англо-американского и мн. проч. “западных”.

Это проявляется в жесткой противопоставленности в русской коммуникации тех типов и жанров общения, которые в английской коммуникации не противопоставлены вовсе либо противопоставлены в гораздо меньшей степени – ср. жесткое противопоставление в русской коммуникации официального и неофициального типов общения, институционального и неинституционального типов дискурса⁴.

В то же время гармоническое фатическое общение в русской речевой культуре имеет гораздо более личностный характер, чем в западной, требует экспликации межличностной теплоты и приязни. Последнее утверждение, впрочем, нуждается в пояснении. Представление о гармоническом фатическом общении у современных русских ориентировано на два противоположных образца: традиционный для народной культуры *разговор по душам* с присущими ему искренностью, доверительностью, открытостью и теплотой, и *светскую беседу* – жанр, с

4 Как показала в своей кандидатской диссертации А.В. Шемякина (2004), в русской коммуникации институциональный дискурс более жестко структурирован, чем в английской. Эта большая свобода английского институционального дискурса проистекает из свободы на использование фатики (даже обязательного использования *small talk*), тогда как в русском институциональном дискурсе *small talk* не распространен или находится под запретом.

одной стороны, заимствованный, с другой стороны, отсутствующий в таком виде в западных речевых культурах (известно, что выражение *светская беседа* невозможно адекватно перевести на английский и мн. др. языки). Светская беседа для русских – это беседа светских людей, концепт же *светскость*⁵ тоже отсутствует, по крайней мере, с таким же коммуникативным содержанием, как в русской культуре, в западных культурах (по-английски можно сказать *high society*, теоретически можно сказать *high society talk*, но такое выражение никак не является распространенным и не фиксируется словарями⁶) (см.: Феннина 2003). Представление о гармоническом фатическом общении в западных речевых культурах, лишённое двойственности, в отличие от русской, включает в себя как обязательную часть элементы того, что для русских было бы *светской беседой*, противопоставленной всем остальным типам коммуникации.

Истоки этой коммуникативной оппозитивности можно искать в традициях русской народной культуры, прежде всего, ее особой личностности, проявляющейся, с одной стороны, в ласковости и сердечности речи на диалекте (ср. внутреннюю форму традиционных обращений к чужим людям *желанный, бажанный, матушка, милый, родимец*

5 Концепт *светскость* тоже был заимствован. Ю.М. Лютман (1994) показывает, что его формирование в культуре русского дворянства XVIII-XIX вв. происходило постепенно, “подпитываясь” и понятиями из рыцарского кодекса чести, и французской этикетностью, и английским дендизмом.

6 Ср. слова либретто William S. Gilbert “Regular Royal Queen”:

Whenever she condescends to walk,

Be sure she'll shine at that,

With her haughty stare

And her nose in the air,

Like a well-born aristocrat!

At elegant *high society talk*

She'll bear away the bell,

With her “How de do?”

And her “How are you?”

And “I trust I see you well!”

и под.) (Гольдин 1997: 17-18)⁷, а с другой стороны – в грубости и даже агрессивности в тех ситуациях, которые скорее всего не вызвали бы агрессии в общении не на диалекте. Пример таких допустимых на диалекте грубых форм (правда, отношение к ним иное, чем в литературном языке) приводит В.И. Жельвис: “Заботливая крестьянка сказала автору: “Тут вода на лавке пролита, не замочи ж..у-то!””, проявив внимание к гостю и уж никак не желая его оскорбить. В речи же крестьян о животных – это и вовсе единственно возможное слово” (1997: 140). Характерно, что в общении на диалекте почти не различаются речевые ситуации *спора* и *ссоры* (Гольдин 1997: 18); ср.: *Поругались старушки. И ведь вот дурная деревенская привычка: двое поругаются, а всю родню с обеих сторон сюда же пришьют. Никак не могут без этого! Всех помянут и всех враз сделают плохими – и живых, и покойных, всех.* (В.М. Шукшин). Для многих русских в тягость правила СБ, являются естественными подмены СБ или в сторону дружеского общения, или конфликтного общения. СБ может восприниматься как общение, отличающееся от дружеского общения тем, что это общение с *чужим*, а следовательно, психологически некомфортное, отсюда конфликтность, присущая дисгармоническим жанрам. С другой стороны, СБ может восприниматься как общение *вежливое*, отсюда ласковость, интимность, присущие дружескому общению. Подобные подмены отмечались еще в XIX веке.

Однако в целом коммуникативная оппозитивность, несомненно, является частью общей оппозитивности русской культуры.

7 Интересные примеры из русской диалектной речи приводит В.Е. Гольдин. На русском северо-западе можно встретить своеобразное обращение к знакомому и незнакомому человеку – *желанный*. В столовой маленького городка Любытино уборщица, решительно выпроваживая посетителя, который пытается получить обед после начала перерыва, приговаривает: “Потом придешь, желанный, потом, желанный, – закрыто... Да что же это такое? Желанный, выходи!” (Гольдин 1978: 72). “В Ярославской области встречается регулятив “*матушка*”. Так обращаются не к матери, не к свекрови или теще, а к любой женщине или к любому мужчине (!) для выражения общей доброжелательности; звучит он и тогда, когда говорят с животными. «Что ты все записываешь, матушка?» – спрашивала у автора этих строк старушка, с которой он долго беседовал в одной из деревушек под Рыбинском. Она сидела у крыльца своего дома и следила за игравшим на траве внуком. «Не бегай, не бегай так, матушка!» – то и дело остерегала она его” (там же: 80-81).

Ю.М. Лютман и Б.А. Успенский (1994) усматривают ее историко-культурные истоки в том, что в православии отсутствует понятие чистилища, очень важное для западной, католической культуры, и что в связи с этим жизнь на земле тоже представляется или как грешная, или как святая, без промежуточной зоны. На Западе промежуточная зона, связанная с понятием чистилища, стала после Реформации структурным резервом, на основании которого даже в протестантских странах могло развиться представление о нейтральной жизни на земле, в то время как русская культура продолжала развиваться на основании поляризованных, черно-белых моделей.

Итак, уникальность русского жанра *разговор по душам* проявляется не только в уникальности коммуникативно-нравственного концепта *душа*, но и в том, что этот жанр занимает особое место в системе жанров гармонического фатического общения, системе представлений о хорошей фатической речи (с определенного времени сосуществуя с нормами жанра *светской беседы*), а также в том, что этот жанр имеет две разновидности: мужскую и женскую, в каждой из которых за жанром стоит несколько иная система ценностей, норм и приоритетов. РпД-М и РпД-Ж по-разному относятся к коммуникативному идеалу: существует два разных — мужской и женский — представления о хорошей речи, при этом женское ближе к СБ и, по-видимому, менее национально универсально. Выделяемые разными исследователями особенности РпД, как и содержание концептов русской культуры *душа* и *правда* в их коммуникативно-нравственных измерениях, имеющих первостепенное значение для семантики данного жанра, мы полагаем, свойственны в полной мере только РпД-М, но не РпД-Ж.

Литература

- Апресян, Ю.Д., 1995, *Избранные труды. В 2 т.*, Москва.
 Арутюнова, Н.Д., 1998, *Язык и мир человека*, Москва.
 Бахтин, М.М., 1963, *Проблемы поэтики Достоевского*, Москва.
 Бердяев, Н.А., 1998. *Философская истина и интеллигентская правда*. – Бердяев Н.А. *Духовный кризис интеллигенции*, Москва.
 Борисова, И.Н., 2001, *Русский разговорный диалог: структура и динамика*, Екатеринбург.

- Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д., 1997, *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*, Москва.
- Вежбицкая, А., 2002, *Русские культурные скрипты и их отражение в языке*, "Русский язык в научном освещении", № 2 (4), Москва.
- Вежбицкая, А., Годдард, К., 2002, *Дискурс и культура. – Жанры речи*. Вып. 3, Саратов.
- Гольдин, В.Е., 1978, *Этикет и речь*, Саратов.
- Гольдин, В.Е., 1997, *Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Диссертация в виде научного доклада ... доктора филол. наук*, Саратов.
- Горошко, Е.И., 1996, *Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ): Дис. ... канд. филол. наук*, Москва.
- Дементьев, В.В., 1997, *Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике*, "Вопросы языкознания" 1997, № 1.
- Дементьев, В.В., Панфилов, К.С., 2003, *Многоязычие и стиль: спорные вопросы стилистической типологии*, "Stylistyka" XII.
- Жельвис, В.И., 1997, *Инвектива в парадигме средств фатического общения. – Жанры речи*. Вып. 1, Саратов.
- Земская, Е.А., Китайгородская, М.В., Розанова, Н.Н., 1993, *Особенности мужской и женской речи. – Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*, Москва.
- Карасик, В.И., 2002, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград.
- Кирилина, А.В., 2001, *Особенности и тенденции развития гендерных исследований в российской лингвистике. – Доклады Первой Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Московский государственный лингвистический университет, 25-26 ноября 1999 года*, Москва.
- Коноваленко, И.В., 2003, *Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении женщин и мужчин. Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Омск.
- Лосский, Н.О., 1991, *Условия абсолютного добра*, Москва.
- Лотман, Ю.М., 1994, *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, Санкт-Петербург.
- Лотман, М.Ю., Успенский, Б.А., 1994, *Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века). – Успенский, Б.А., Избранные труды*. Т. 1, Москва.
- Норман, Б.Ю., 2002, *Жанр разговорника: между текстом и языком. – Жанры речи*. Вып. 3, Саратов.
- Потапов, В.В., 2002, *Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии*, "Вопросы языкознания" 2002, № 1.
- РРР 1978 – *Русская разговорная речь. Тексты*, Москва.

- Салимовский, В.А., 2002, *Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст): Автореф. дис. ... докт. филол. наук*, Екатеринбург.
- Седов, К.Ф., 2000, *Речевое поведение и типы языковой личности. – Культурно-речевая ситуация в современной России*, Екатеринбург.
- Седов, К.Ф., 2002, *Человек в повседневном общении. – Повседневность российской провинции: история, язык и пространство*, Казань.
- Сиротинина, О.Б., 1974, *Современная разговорная речь и ее особенности*, Москва.
- Сиротинина, О.Б., 1994, *Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи. – Человек – текст – культура*, Екатеринбург.
- Степанов, Ю.С., 1997, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва.
- Стернин, И.А., 1999, *Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения. – Жанры речи. Вып. 2*, Саратов.
- Стернин, И.А., 2003, *Почему русский человек не любит светское общение? – Прямая и непрямая коммуникация*, Саратов.
- Уздина, Е.М., 2002, *О национально-культурной обусловленности флирта. – Жанры речи, Вып. 3*, Саратов.
- Федосюк, М.Ю., 1997, *Нерешенные вопросы теории речевых жанров*, "Вопросы языкознания" 1997, № 5.
- Фенина, В.В., 2003, *Непрямая коммуникация в small talk. – Прямая и непрямая коммуникация*, Саратов.
- Шейгал, Е.И., 2002, *Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса. – Жанры речи. Вып. 3*, Саратов.
- Шемакина, А.В., 2004, *Стратегии персонализации в институциональном дискурсе (на материале английских и русских перформативных высказываний): Автореф. дис. ... канд. филол. наук*, Волгоград.
- Шмелев, А.Д., 2002, *Русская языковая модель мира*, Москва.
- Шмелева, Е.Я., Шмелев, А.Д., 2002, *Русский анекдот: текст и речевой жанр*, Москва.
- Шмелева, Т.В., 1997, *Модель речевого жанра. – Жанры речи. Вып. 1*, Саратов.
- Jespersen, O., 1949, *Language, its nature, development and origin*, London.
- Lakoff, R., 1976, *Language and woman's place*, New York.
- Malinowski, B., 1972, *Phatic Communion. – Communication in Face-to-Face Interaction*, Harmondsworth.

Gender and Genre: Male and Female Versions of Russian Speech Genre "Razgovor po Dusham" ("Soul Talk")

Gender causation of the genre framework of speech is explained in this article. Male and female versions of Russian speech genre "razgovor po dusham" ("soul talk"), that vary in the genre topic, style and composition, are researched here. This genre is highly relevant to the system of the basic values of Russian culture.

ИЗВЕСТИЯ ИРЯС

2014

More than ten years after Angela Carter's untimely death, her standing as a feminist writer has not faded, nor has the significance of her literary projects for the daring subversion of her writing, in which this paper pays tribute. Through a construction of short stories published in 1976 and revised in 1987, we reveal the "deconstruction" of female identity in a male-oriented society. The female was exposed to five regimes (female) through three stages, which correspond to the divisions. This paper falls into three sections.

First, in an exposition stage, Carter elaborates on the patriarchy and role of women in the "male" frame, which means, is a being deprived of individuality and political in her domain equality of object. By drawing on typically feminist theories of Shakespeare (1976: 18), she presents a culture of resistance and a strong opinion on the male side and gives a sociological portrait of the woman as a "woman" (Parker 1989: 14).

Secondly, at a revolution stage, Carter (with Law and Sherrill) reveals the results of female experiments. By making use of specific mythic media, she links the female characters with a new female order, one that has led to a new, distinct and independent of the male

1. I would like to thank my colleagues for their comments and suggestions. I am particularly grateful to my colleagues in the Department of English and American Studies, University of Jyväskylä, Finland, for their comments and suggestions.